Людмила
Улицкая
Русское варенье

Людмила Улицкая

Русское варенье (сборник)

«Издательство АСТ»

Улицкая Л. Е.

Русское варенье (сборник) / Л. Е. Улицкая — «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-271-39258-0

В сборник вошли пьесы «Семеро святых из деревни Брюхо» (о русских юродивых), «Мой внук Вениамин» (смешные и грустные семейные истории) и «Русское варенье». «Вишневый сад» и кусочки других пьес Чехова перевернуты у Улицкой с ног на голову: потомки Лопахина (Лепехины) дожили до того, что дачу надо продавать. И надо работать – но никто не работает. Дача разваливается. Даже «…в Москву, в Москву…» уже никто не стремится. Остается варить варенье по старинному рецепту и пытаться продать по 10 $ за банку. Искушение постмодернизмом? Скорее желание сварить варенье из цитат, зарифмовать классику и современность…

ISBN 978-5-271-39258-0

© Улицкая Л. Е.
© Издательство АСТ

Содержание

Семеро святых из деревни Брюхо 5
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Людмила Улицкая
Русское варенье (сборник)

Семеро святых из деревни Брюхо
Пьеса

Пьеса была поставлена во Фрайбурге, Москве и Тюмени. Она игралась без пролога и эпилога, которые были написаны позже и являются в некотором роде уступкой публике, и не представляются автору необходимыми. На усмотрение режиссера.
Людмила Улицкая

Действующие лица:

Дуся, средних лет, блаженная.
Маня Горелая, средних лет, юродивая.
Антонина, без возраста, хожалка Дуси.
Настя, молодая, хожалка Дуси.
Марья, без возраста, хожалка Дуси.
Отец Василий, старый священник.
Тимоша Рогов, совсем молодой.
Арсений Рогов, около тридцати.
Голованов, средних лет.
Надя, молодая.
Сучкова, старуха.
Вера, совсем молодая.
Девчонка.
Худая женщина с ребенком.
Семенов, Сидоренко, Хвалынский, Мухамеджин, красноармейцы, они же омоновцы.
Люба.

Пролог

Голованов. Здешний я. И отец, и дед, и прадед. Нас в этих местах все знают. И мы, Головановы, тоже всех знаем. Место наше особенное по своей неопределенности: ни то ни се. Лет двести тому назад была обыкновенная деревня с некрасивым названием Брюхо. Глухие места. Проезжал по здешней дороге тамбовский, говорят, купец Никитин, и напали на него грабители. Связали Никитина и возчика его, а лошадок с товаром угнали. Дело было зимнее. Лежит купец и чувствует, что замерзает. Он взмолился к Божьей Матери и видит, что вдали огонек засветил и все сильнее светит. И вышел тут старичок весь сияющий, сами знаете кто. А в руках икона небольшая, вот такая. Он, старичок, эту иконку на дерево повесил и исчез. А от нее такое тепло пошло, что привиделись Никитину травка да цветы. Наутро нашли добрые люди купца и возчика его живыми и невредимыми, развязали и обогрели. И икону увидели – висит на дереве.

А в пяти верстах нашли и лошадок с товаром. Испугались чего-то разбойники. Всё побросали и сбежали… В тот же год поставил Никитин здесь часовню для спасительной иконы. И многие сюда приходили, получали исцеление и всяческое облегчение… А потом на этом месте построили церковь. Деревня в село преобразилась. И была ничего себе. Однако лет через сто на полпути к Городку открыли валяльную фабрику, и народ деревенский разбаловался, хлеб сеять перестал. Сначала ушли на фабрику мужики поплоше, а через несколько лет, соблазнившись безответственной работой, оторвались от земли и хорошие. Говорили так: «Ихняя работа меряная, начал и кончил, а наша, на земле, немеряная, как лег в землю, так и конец». И осталось крестьянствующих несколько дворов, другие стали жить пролетариями, и даже бабы потянулись в работницы.

Вообще же места наши славятся святостью: с давних времен поселился в глухих окрестных лесах святой человек, тот самый старичок, о котором я… Долго жил он в уединении, а потом стали к нему собираться и другие, подвизавшиеся в духовном подвиге. С годами обстроились церквами и монастырями, обзавелись монашествующей братией. Со всей России сходились и съезжались сюда богомольцы и страждущие. После того, первого старца, святые уже не переводились в наших местах. Революция, конечно, все поменяла, но не сразу и не окончательно. Новая власть в то время, хотя и показала уже свою кровавую свирепость, но не совсем еще утвердилась. Однако во мнении людей обыкновенных, не завлеченных идеей полной переделки мира по фасону новой справедливости, была эта власть неправильная, слишком кровавая, да притом и ветродуйная. Начальничали теперь люди либо пришлые, часто даже и чужекровные, либо из местных самые никчемные и с дурной славой. Да что там говорить… В наших местах к Божьему чуду привыкли как к дождю или к снегу и потому больше уповали на непостижимую справедливость Божьего суда, чем на справедливость – тоже, впрочем, непостижимую – начальника местной советской власти Сеньки Рогова, человека, между прочим, из наших мест. Была в нашей деревне и своя блаженная Дуся. Неходячая. Провидица, много чудесных дел делала. Раньше ее зимой на санках, летом на колясках по всей России возили, а году, что ли, в десятом она одной богатой барыне сына исцелила. И та хотела ей чуть не все состояние отписать, а Дуся попросила дом ей в родной деревне, здесь, в Брюхе, купить… Барыня ей дом и купила. Ходили за Дусей три женщины, хожалки, при ней и кормились. А еще была в Брюхе примечательная особа Маня Горелая. Тоже знаменитая, но в другом роде. Прозвище свое получила за следы ожогов на щеках. Была она беспримерной ругательницей и как будто ясновидящей: все знала про всех, и прошлое, и будущее. Ее побаивались, однако за честь считали, если она к кому в особо сильные морозы приходила в дом заночевать. А так на улице жила. Ни дома, ни двора. И была между двумя нашими блаженными вражда.

Картина первая

*Двор возле Дусиного дома. Во дворе **Худая женщина** с больной девочкой, завернутой в одеяло, согнутая пополам старуха **Сучкова**, **Надька** – молодая баба, красивая, но с подбитым глазом, беременная **Вера**, совсем юная, почти девочка. Поодаль, привалившись спиной к забору, дремлет одетый в городскую изношенную одежду **Голованов**. Из дома слышится стройное пение. Поют акафист Божьей Матери. Пение, то затихая, то усиливаясь, то переходя в ритмическое чтение псалмов, будет звучать все время. **Антонина**, в монашеском одеянии, в апостольнике, подходит к крыльцу с полными ведрами. Увидев посетителей, выплескивает воду на землю и уходит откуда пришла.*

Вера. Уж который раз за водой идет. Чего ж она ее все выливает?

Худая. Видать, не в воде дело. Смотри, колодец-то рядом, а она вон куда ходит.

Сучкова. В колодце вода низовая, мутная да кислая. А там ключ святой.

Вера. А чего ж она ее выливает? А в тот раз прям с крыльца выплеснула.

Сучкова. Это по Дусину слову: если зверь нечистый или человек сренется, или колокол грянет, или еще чего, не знаю, то вода и портится. Уж ни на мытье, ни на питье Дуся нипочем ее не примет.

Худая. А правду говорят, что она не ото всех берет?

Сучкова. Не, брать берет. Еду только не ото всех есть станет. Другой раз возьмет, да и раздаст. А подарки-то она брать любит. Платки как еще берет, и простые, и хорошие. И шали у нее есть, даже и золотого шитья. Она любит. А сама носит только платок белый, простой, вроде как фатой его повяжет и постирать не дает. А тут было годов десять или поболе платки у ней в сундуке сами собой погорели. Запахло вдруг тлелым у нее в келье, и уж по всей деревне понесло. Обыскались, где тлеет. А на другой день сделался у ней в келье воздух черен и дух смрадный, открыли сундук, а там одни уголья от платков.

Вера. Ну и что она, Дуся-то?

Сучкова. Дуся – в слезы. Как же, говорит, я теперь моих доченек одену, без платочков-то… Это, говорит, все Маня Горелая, она навела. Но тут-то она ошиблась, Маня в ту пору в Дивеево ходила, ее тут и не было.

Вера подбирается к окну, заглядывает внутрь.

Вера. Батюшки-светы! А хлебов-то, хлебов! И несут, и несут. И считают. На что им столько?

Надя. Отберут, если прознают. Нас с Пасхи два раза обкладывали. Сперва хлебом обложили, а потом медом. Знают, что мой Петр Фомич пчелок водит. Дай-ка гляну…

Сучкова. Молчала бы лучше. Надя оттесняет Веру от окна, заглядывает. Хватается за макушку.

Надя. Ой!

Вера. Ты чего?

Надя. Вроде камушком кто лупанул… Смотри-ка!

*Появляется **Маня Горелая**. Зипун на голове. Подол задран, в подоле камушки. Достает камень, бросает в Надьку.*

Надя. Ой!

Сучкова. Мань, ты чего обижаешь-то ее? Она, может, за помочью пришла, цельный день ждет, ты за что ее…

Маня. Шуба волчья сукном крытая да ложек дюжина из барского дома… Ой, придавили тебя, придавили…

Сучкова. Какая шуба, Маня, какая шуба? Ты чего на меня наговариваешь? Не брала я никакой шубы.

Маня. Брала, брала. На спине и лежит. О, придавила-то как. И ложечки серебряные… Все воры, все… Кроме Дуси. Она дура. Иди, иди к Дусе, она тебя выпрямит. А ты потом будешь серебряными ложечками по огненной сковороде шкрябать…

Сучкова крестится, пятится.

Сучкова. Окстись, Маня. Не говори напрасно.

***Антонина** с полными ведрами проходит мимо Мани.*

Маня. Иди, иди. Исцелит тебя святая колода во имя пера, пуха и глухого уха! Исцелит… *(Пляшет вприсядку.)*

Антонина выплескивает воду из ведер, ставит ведра наземь. Машет рукой и снова уходит.

Худая. Опять ей воду испортили…
Сучкова *(Мане).* Что говоришь-то, сатана!

Сучкова прячется за угол дома. Маня достает камень и бросает в Надю.

Надя. Ты за что меня бьешь, Манечка?
Маня. Небось, меду принесла?
Надя. Принесла.
Маня. А на что принесла?
Надя. А гостинца Дусе, Манечка. В другой раз и тебе принесу.
Маня. Нужен мне твой мед. Намажь им дырку-то свою, кошель лохматый. Хочешь быть етой, а будешь битой.

Маня, почесываясь, отходит. Садится наземь, очищает босые пальцы ног от грязи. Сучкова высовывается из-за угла.

Сучкова. Вот ведь злодырка, всех оговорит… И всюду суется, всюду лезет. Все ей надо… Надь, а ктой-то тебя так? Петр Фомич, что ли?
Надя. Петр Фомич ни в жисть меня не тронет. Это я малек загуляла в Степанищеве, и прибила меня мужикова баба. А Петр Фомич меня жалеет. Поди, говорит, к Дусе, попроси, чтобы отстать тебе от этого дела.
Сучкова. Это ей ничто, ничто… Она тебе сухарика даст молёного, и отойдет. У ней молитва крепкая: и больных исцеляет, и бесов изгоняет. Лет, что ли, пять тому или семь в Латырино мальчонка утоп, так отец его бездыханного взял да верхами прямо к Дусе. Она мальчонку и подняла. Из мертвых восставила. Совсем здоров стал. Только через год обратно утоп.
Голованов *(зашевелился, привстал).* Милостивый государь Иван Густавович! Ужели вы не можете принять в соображение… Фу, какая гадость!
Вера. А этот тоже за молитвой?
Надя. Николай Николаич? Нет, он так упал. Шел мимо да упал. Тяжелое вино – вишь, как оно к земле клонит. *(Подходит к нему.)* Чего тебе, Николай Николаич? Может, попить принести?
Голованов. Ох…

Надя черпает воду в кадке, мочит ему лоб, Голованов хватает ее за руку, пытается поцеловать.

Надя. Ты что, Николай Николаич? Ты отдыхай, отдыхай, милок.
Голованов. Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей…
Нет, другое…
Мы дети страшных лет России…
Чем жизнь страшней, чем жизнь страшней…

Вера. Стихи знает.

Надя. Он культурный очень.

Вера. Оно и видно.

Надя. Пойдем. Домой тебя сведу.

Голованов *(ловит Надину руку, целует).* Ангел, прости меня. *(Надя его поднимает.)*

Надя *(Сучковой).* Сведу его.

Голованов. Густав Иванович! Иван Густавович! Мой ангел! Честь имею и… никогда не потерплю, чтобы в моем присутствии…

Сучкова *(Наде).* Ждать-то боле не будешь? Ты ж хотела молитовку получить… али нет?

Надя. Другой раз. *(Уводит Голованова.)*

Сучкова. А в тот год в эту пору дожди были.

Маня кончает свой педикюр и подходит к худой женщине с ребенком.

Маня. Чего сидишь дура дурой? Чего пришла?

Худая. Дочка вот больная.

Маня. А чего это она у тебя больная?

Худая. Господь попустил.

Маня. Ага, Господь попустил, а ты к Дусе, значит… А по святым местам ходишь?

Худая. Хожу.

Маня. И в Киев ходила?

Худая. Ходила.

Маня. В Оптину ходила?

Худая. Ходила, мамочка моя.

Маня. В Дивеево ходила?

Худая. Всюду, всюду ходила. К самому Иоанну Кронштадтскому ходила. Она еще махонькая была, как я ходила.

Маня. И что, не помог тебе Иоанн Кронштадтский?

Худая. Не помог. Царствие ему небесное, ни чуточки не помог.

Маня. А сама-то Богу молишься?

Худая. Молюсь, матушка.

Маня. Божью Матерь призываешь?

Худая. Призываю.

Маня. Не помогает?

Худая. Не помогает.

Маня. А доченька твоя, как ее святое имя?

Худая. Елена. Еленочка.

Маня. Твоя Елена, говорит она что?

Худая. Какое говорит… бессловесная она. Смотрит только глазками.

Маня. Не говорит, значит… А что, много ли грешит она?

Худая. Мамочка моя! Какое грешит? Как грешить-то ей, ни ручкой, ни ножкой не шевелит, только-то и может, что плакать слезками бессловесными. Четырнадцатый годок уже.

Маня *(становится на колени, смотрит на девочку).* Ангел небесный, ни словом, ни делом не согрешает… Что ты таскаешь-то ее, дура пешеходная, по белу свету, как котенка? Иди домой, дура, иди… Будет тебе и радость, и утешение, погоди чуток, недолго уже ждать.

Женщина укладывает девочку на землю, встает перед Маней на колени.

Худая. Исцелится?

Маня. Домой иди, тебе говорят. Не нужна тебе колода святая, Дуська-то. Бери своего ангела и проваливай. Утешишься скоро.

Сучкова. Иди, иди… У ней слово верное. Как сказала, так и будет.

Женщина вынимает из-за пазухи платочек, развязывает, хочет дать Мане денежку.

Маня. Иди, тебе самой скоро пригодится.

Худая. Ох, разрешила ты меня, всю жизнь буду Бога о тебе молить…

Женщина взваливает девочку на плечо. Уходит.

Маня размахивает рукой, как будто кадит, и поет дурным голосом «Со святыми упокой…». Потом садится на землю и, бросая мелкие камешки Дусе в окно, выкликает…

Маня. Святая колода, моли Бога о мне!
Святая колода, моли Бога о мне!
Святая колода, моли Бога о мне!

*На крыльцо выходит хожалка **Марья**, выплескивает на Маню горшок. Маня валится на спину, сучит ногами.*

Маня. Ой, святая колода святой водой поссали! Исполать! Исполать! Исцелили! Освятили! Только миром не помазали!

Марья *(говорит по-русски с мордовским акцентом, еле вяжет слова, но понимает все отлично).* Иди отсюдова. Половина сатаны. День на крыша сидит, ночь на крыша сидит. Иди, жопа.

Сучкова и Вера смеются.

Маня. Чего смеетесь, дуры? Плакать будете. Ждите, ждите, дуры. Примет вас Дуся, напустит на вас святого духа, не продохнешь.

Марья. И ты пошел вон!

Вера. Я?

Марья. Два пошел вон! Дуся Бога молица. Все Бога молица!

***Маня**, приплясывая и раскидывая камешки, уходит.*

Картина вторая

*Дусино жилище. Большая комната, разделенная надвое выгородкой или занавеской. Меньшую часть, с кроватью, **Дуся** называет кельей. **Дуся** в постели, на горе подушек, перебирает четки. Платок повязан странно, два конца на лбу завязаны узлом, в который воткнуты бумажные цветы, а два других угла платка разложены по плечам наподобие фаты. **Антонина** тихо поет псалмы. **Марья** по приставной лестнице лазает вверх-вниз, стаскивает с чердака караваи. **Настя**, молодая прислужница, принимает на руки последний каравай, крестит, складывает на лавку.*

Марья. Все. Пусто там.

Настя. Семьдесят шесть, семьдесят семь, семьдесят восемь… Матушка, семьдесят восемь. Все сухие, чистые, мышами не трачены. Слава Богу.

Дуся. Слава Богу.

Настя. Что, теперь обратно наверх прибрать?

Дуся. Не прибирай. Платочком прикрой, пусть здесь лежат. Они предназначенные.

Марья. Голова есть? Красноармейц придет, все возьмет. Голова твоя возьмет. Прячь хорошо.

Дуся *(плаксиво).* Она мне перечит, она мне все перечит. Видит, я больная, и перечит. Не слушает меня. *(Достает из постели лоскутных кукол.)* Только детки мои меня слушают, хорошие мои деточки, в рай пойдут с Дусенькой. Ниночка-первиночка, Иванушка в синей рубашечке вот… Егорушка где… Слушают. И Царица Небесная слушает… А больше никто меня не слушает… *(Плачет.)*

Настя. Матушка, голубушка, скажи, все хлеба здесь оставлять?

Дуся. Пресвятая Богородица, они нисколько меня не слушают, послушания не любят, обижают бедную Дусю.

Настя. Прости Христа ради, матушка. *(Становится на колени.)* Каким платочком велишь прикрыть?

Дуся. Вдовьим, Настенька, вдовьим. Возьми в сундучке зеленом черенькие платочки, их там наготовлено, и покрой мой хлебушек. А ты, Марья, встань перед божничкой и клади поклоны. Сто поклонов.

Марья. Марья пять знает, десять знает. Сто не знает!

Дуся. У, какая противная, строптивая… Куда пошла?

Марья. Я к Николай Угодничек.

Дуся. Ишь, чего захотела. К Божьей Матери ходи. А Николай Угодничек погодит пока…

Марья подходит к другой иконе и кладет поклоны. Настя достает из сундука черные платки и покрывает ими хлеба на лавках.

Дуся. Настя, нет. Эка ты бестолкова! Восемь хлебов не покрывай, их убрать надоть. Они не предназначенные. Деток кормить надо. А семьдесят – покрывай, семьдесят – предназначенные. Антонина, самовар ставь, гость при дверях.

Антонина. Воды нету, матушка. Прости меня, грешную.

Дуся. А чего же ее нету, воды-то?

Антонина. Не донесла. Уж на крыльце была, а собака залаяла.

Дуся. Молитву не читала.

Антонина. Читала, матушка.

Дуся. Значит, безо внимания.

Антонина. Прости, матушка.

Дуся. И чаю испить не дадут, злыдни какие. День на исходе, они всё самовар не ставят, за водой не ходят. Всё ленятся, чаю больной не дадут испить. Накажут тебя, Антонина. Вот мне сон-то снился! *(Смеется ехидно.)* Кто у меня живет, и Вера покойная тоже, все стоят с букетами, и у всех розы, у кого белые, у кого розовые иль голубые, а кто ко мне приходил да приносил милостыню, у того ветки вайи и можжевеловые, в синих ягодах. А ты, Антонина, и ты, Марья, стоите коло меня с прутьями сухими, потому что не имеете послушания и молитесь плохо.

Антонина. Матушка, Дусенька, прости меня.

Дуся. Я-то простая, я простю. А вот простит ли Господь, как вы за бедной Дусей плохо ходите, обижаете. *(Плачет.)* И так расстроят, так расстроят, разобидят, и молиться бедной Дусе на дадут. Конфетку принеси, Настасья.

Настя шарит в буфете. Шебуршит бумагой, приносит Дусе конфетку.

Дуся. Замучила? Совсем тебя замучила? Сама Дуся конфетки ест, а за ложку меду шумит?

Настя *(встает на колени).* Прости, матушка, Христа ради. Не сама думала – враг вложил.

Дуся. Враг, враг вложил. Я твои мысли знаю. *(Расправляет «фату», поправляет бумажные цветы на голове.)* Этого захотела? Вот и я тоже хотела. Ой, как хотела-то! Сам кудрявый, глаз синий-синий был у Проклушки, аж черный. И пояс серебряный, ни у кого такого не было, заморский пояс был. Гуляли мы. Сговорились. Собрали меня к венцу, на свадьбу всего заготовили. Я дочка одна у родителей, а родители мои были не бедные, ой, не бедные. Время-то после Петровок, самое сладкое время. Все зелено, аж слезу вышибает. К венцу идти, а его все нет. Нету жениха, вот что я говорю… Жду. Вдруг вижу, Татьяна, сестра Проклова бегит ко мне через двор, а платок на ней черный. Я и пала наземь, забилась. Меня ну водой отливать. Отливали, отливали. Вишь, живая осталась, только ноженьки мои – все, с тех пор и не вставала я на мои ноженьки. А Прокл что? Сбежал, сгинул, по сю пору в бегах. *(Поет.)* Нина Прокловна ждет, Иван Проклович ждет, Катерина, Евдокия да Егорушка, где наш батенька, где наш папенька, со гостинцы, со картинцы, со приветами… А отпущу я тебя, Настя, добра тебе в том не будет.

Настя. Видно, мне добра ни в чем не будет.

Дуся. А ты думала? При последних временах живем, на страдание рожденные.

Настя. Порадоваться хотела, матушка.

Дуся. Здесь потрудишься, там порадуешься. Там есть еще кто? Пусть взойдет, кто там во дворе.

Настя. Были странники, да разошлись все.

Дуся. А я тебе говорю, пусть взойдет девка.

Настя выходит, приводит с собой ***Веру****.*

Настя. Вот она, за поленницей притулилась, ее и не видно.

Дуся. Антонина! Ты того, ложечку меду дай ей. Послади, послади ей… Чего такую маленькую ложечку берешь? У, жадина… Или побольше ложечки нет? *(Вера открывает рот, Антонина сует туда ложку с медом.)* Иди за самоваром смотри. Нечего без дела стоять. *(Вере.)* Ну чего, нагуляла?

Вера. Нет, не нагуляла нисколечки. Он страшный, силком меня взял. Маманя у них уборщицей, я ходила помогать. А маманя заболела, я заместо нее одна пошла. А он навалился. Страшенный, противный. А потом мамка говорит – иди, он тебя зовет. Я и пряталась, и убегала. А мамка говорит – иди, а то совсем убьет. Я и хожу. А тут он мял меня. Говорит, сына родишь – женюсь. А люди говорят, есть у него жена в Тамбове или где. Я думала, он меня сам бросит, я бы потерпела. И что ребеночек, это ничего. А что же теперь, так и жить с ним. Я боюся его, он страшный.

Дуся. Не первая, не последняя. *(Теребит своих кукол.)* Вот он Ванечка, вота Танечка… деточки мои.

Вера. Сон я видела. *(Закрывает глаза руками.)* Будто дитя у меня закричало в животе. И крик вроде как бы железный, и так дергает, дергает, вроде у меня не дитя, а машина. Страшна…

Дуся. Марья! Антонина! Настя! Где вы все подевались?

Входит ***Антонина****.*

Дуся. Послади ей, бедолаге. *(Антонина берет большую ложку.)* Какую ложку берешь? Еще уполовник бы взяла. Малую ложечку бери, какой мед черпают. *(Антонина сует Вере в рот ложку меду.)* Иди с Богом, иди.

Вера. Матушка, так что ж мне делать-то? Мамка послала, иди к Дусе, как Дуся скажет, так и делай. А страшно.

Дуся. Бог вразумит. Дуся больная, Дуся темная, Дуся грешная… Что Дуся? Ничто. Иди с Богом. *(Хожалки выпроваживают Веру.)* Господи, когда же приберешь нас? Поди, Настя, дверь отвори. Гость к нам.

Входит ***отец Василий.***

Отец Василий. Здравствуйте. Мир всем. Хожалки подходят под благословение.

Дуся. И духови твоему. Ты, Антонина, иди за водой, но с молитовкой, с молитовкой… А ты, Марья, встань да иди отсюдова. И ты, Настя… Прочь пошли.

Хожалки *выходят, отец Василий прикрывает дверь.*

Отец Василий. Ходил я, матушка, в совет нечестивых. По повестке. В Городок вызывали.

Дуся. Господи помилуй.

Отец Василий. Егда бе юн, поясашеся сам и хождаше аможе хотяше, егда же состарешеся, ин тя пояшет и веде аможе не хочещи…

Дуся. Ох, препояшут, препояшут… Время-то тесно, но есть еще маленько…

Отец Василий. Как жить будем, Дуся?

Дуся *(причитает).* Ох, плохо, батюшка, плохо… Обижают хожалки Дусю, чаю не дают, не слушают… Маня Горелая опять приходила, каменьями в окно бросала. Очень обижала Дусю.

Отец Василий. Оставь Маню в покое. У каждого свое поприще. Я за советом к тебе. Меня, Дуся, опять хлебом обложили.

Дуся. Меж пальцев не много мяса-то.

Отец Василий. Я им говорю: поп хлеба не сеет, не жнет, попа народ кормит. А мы, говорят, не дураки, мы тебя печеным обложили. У тебя, говорят, в селе триста дворов, тебе народ носит, вот ты нам семьдесят караваев и доставь. Три дня дали. Они меня уже и льном обкладывали, и медом. Такая контрибуция.

Дуся. Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных.

Отец Василий. Отказался я, Дуся. Нет, говорю, у меня хлеба. Приходите и ищите. Что обрящете, то ваше. А начальник их, Рогов Арсений, нашей Ирины Федоровны сынок старший, говорит мне: ты меня, батюшка, не учи, у кого чего нам искать, мы сами ученые. А ведь он, Дуся, крестничек мой. Ирина Федоровна, она теперь у меня в церкви вместо старосты, а тогда совсем молодая была, пела на клиросе, голос и по сю пору ангельский… она меня просила в восприемники к своему первенцу… Ох, взыщется с нас…

Дуся. Пресвятая Богородица, моли Бога о нас.

Отец Василий. Придут за мной, Дуся, не сегодня завтра. Со всего уезда уже собрали иереев в Городковскую тюрьму. Пора и мне собираться, думаю.

Дуся. Не будет тебе тюрьмы.

Отец Василий. Я не об этом забочусь: будет так будет. Церковное имущество всюду конфискуют. В Степанищево храм подчистую обобрали, и сосуды священные. В Тальниках тоже. Имущество – что… А у нас Чудотворная. Или спрятать где? А то ведь унесут, осквернят, как храм иудейский.

Дуся. Вперед не забегай, отче. Тут тебе семьдесят хлебов отсчитаны, в зальце под платками лежат. Ты брось собаке кость, ну как отвяжется.

Отец Василий. Семьдесят хлебов, говоришь?

Дуся. Семьдесят, батюшка. Настя счет вела.

Отец Василий. Как же ты прознала?

Дуся. Не знаю, может, шепнул кто…

Отец Василий. Да откуда же у тебя столько хлебато, Дуся?

Дуся. Народ несет. Собралось. У него, у Кормильца, всего много. А вот где лошадку взять, того не знаю. Ужели Он нам на бедность лошадку не приберег? Надо бы хлеба поскорее им отправить, пока не прискочил враг…

Священник встает, крестится на образа.

Отец Василий. Слава Тебе, Господи, Слава Тебе.

Дуся *(поет довольно-таки дурным голосом).* Благослови, Душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, Имя Святое Твое… Не пришел еще час, не пришел.

Марья *(всовывает голову в окно – видно, под окном подслушивала, – кричит).* Петр Фомич с лошадка едет, мед торговать в Городок везет!

Дуся. Ишь орать взяла моду. Марья, сбегай, Тимошу призови, поможет хлеба оттащить.

Отец Василий. Бог с тобой, Дуся. Надо у Петра Фомича узнать, возьмется ли еще везти?

Дуся. А вы, отче, идите на дорогу-то, а то мимо проедет.

Отец Василий. Не чудо ли? И хлеба эти… И лошадка… Кто знал, что так сладится… Однако, Дуся, что с образом… Не забрать ли? Может, к тебе перенесем? Уж к тебе-то не придут искать.

Дуся. Почем знать… *(Возится с куклами.)* Ох, бедные мои доченьки, бедные сиротки, кто вас оденет-обует, кто вас напоит-накормит… без маменьки, без папеньки… *(Вынимает из постели сухарь, дает священнику.)* Вот, дорогой мимо церкви поедете, сухарик отдай матушке Евгении, скажи, Дуся прислала со своей честной постели… Бедные мои деточки, бедные мои деточки… А иконка… Владычица наша сама о Себе позаботится…

Отец Василий. Прости меня, Дуся.

Дуся. Прости меня, батюшка.

Входят ***Тимоша***, ***Марья***, ***Антонина*** *с полными ведрами.*

Тимоша. А Петр Фомич велел по-быстрому, говорит, туча идет.

Отец Василий. Ну, с Богом, с Богом. Выносят хлеба из избы.

Дуся. Воду принесла! Радость-то какая! Мы с водой теперь!

Антонина. Самовар уже стоит. Скоро готов будет.

Дуся. Господи, когда же приберешь Ты нас? *(Сгребает в кучку своих кукол.)* Чего уставились? Собирайте трапезу.

Настя. Благослови, матушка.

Дуся благословляет Настю. Та начинает накрывать на стол – совершенно ритуальное действо. Настя подносит Дусе скатерть, та крестит ее в четыре угла, потом ложки, чашки – каждый предмет.

Дуся. Антонина! Помолимся.

Хожалки зажигают свечи перед иконами. Поют начинательную молитву от «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради…» до «Отче наш». Одновременно идет ритуал умывания. Прежде чем Дусю начинают умывать, она крестит полотенце и все сосуды. В кувшин с обычной водой вливают немного святой воды из бутыли. После умывания открывают шкатулку, вынимают кусок большой просфоры. Дуся кладет этот кусок на блюдце, наливает святой воды из бутыли, чтобы размочить.

Дуся. Христос посреди нас!

Раздается троекратный стук в дверь. Все замирают.

Дуся. Пусть войдет. Отворите.

Антонина отворяет. Входит ***Тимоша****. Он кланяется, крестится на иконы.*

Дуся. Отправил батюшку? *(Тимоша кивает, Дуся поет.)* Достойно…
Тимоша *(подхватывает).* Достойно есть…

Дуся берет кусок просфоры, ест, берут по кусочку и хожалки.

Дуся *(Тимоше).* Ешь и ты. *(Тимоша берет с блюдца кусок просфоры. Дуся начинает плакать.)* Из моего, из моего блюда… Обмакнул! Обмакнул со мной в блюдо! *(Антонина подбирает с блюдца крошки, вытирает его и убирает.)* Самовар!

Антонина *вносит самовар, ставит на стол. Все сопровождается поклонами, крестными знамениями. Наливают чашку, подносят Дусе.*

Дуся. Горяч… А чего это на столе ни сахара, ни варенья… Даже меду нету. А то люди говорят, я своих хожалок голодом морю, сахару не даю. *(Настя достает из буфета варенье и сахар, щипцы для сахара, ставит на стол и протягивает руку за сахаром.)* Куда? *(Настя отдергивает руку.)* Мне положи. Поболе. И еще. И ты, Тимоша, возьми кусок сахару. Говори, что пришел?

Тимоша. Маманя прислали. Повестка призывная пришла из Городка. В Красную армию мне служить. А я в лес хочу уйти.

Дуся. Ой? А в лесу что делать станешь?

Тимоша. Жить. Живут же по лесам.

Дуся. Кто живет? Святые старцы живут. Не живут, спасаются. Ишь чего захотел. В лес? Лес лесом, а бес бесом! В лесу – страшно, темно… *(Марья тянет руку за сахаром.)* Куда? Воровская твоя повадка! Чуть на глаза попалось, сразу тянет и тянет.

Марья. Грешна, матушка.

Дуся снова поворачивается к Тимоше. Марья тихонько берет кусок сахара.

Тимоша. Так у комиссаров-то еще страшней.

Дуся. От меня чего надо?

Тимоша. Маманя говорит, если Дуся благословит, иди.

Дуся. Куда это?

Тимоша. В леса.

Дуся. О! В леса! Да кто я такая – архиерей, что ли? Благословлять вас… Я больная, я простая, я неученая… Настя, почто мне чай холодный налили? Дай горячего. Ишь бестолковые какие… Ты в храм Божий ходишь?

Тимоша. Хожу.

Дуся. В хоре поешь?

Тимоша. Пою.

Дуся. Отца Василия знаешь?

Тимоша. А как же.

Дуся. Вот к нему и ходи за благословением. Чего ко мне ходить? *(Трогает чашку.)* Холодный, сказываю тебе, чай. Вылей в лохань.

Настя. Так с сахаром!

Дуся. А хоть бы с золотом. Выливай, выливай. А мне воды налей. Не надо мне вашего чаю. Собирай со стола. *(Мария запускает руку в сахарницу.)* Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную. Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил если нас земных Твоих благ: не лиши нас и Небесного Твоего Царствия.

Раздаются удары колокола. Марья отдергивает руку от сахарницы. Антонина подходит к окну. Несколько неровных ударов сменяются набатом.

Антонина. Пожар, что ли? Оборони Господь… Дыму вроде ниоткуда не видать.

Марья. Малой, иди узнай, кой сатана там?

Дуся прячет голову в тряпки, сгребает своих кукол под себя.

Настя. Сходи. И правда, узнай, что там стряслось.

Дуся. Собирайте меня в Божий Храм.

Марья. Чего сказал? Боже-Храм?

Настя. В церковь чтоб ее собирали.

Антонина. Дусенька, матушка, сегодня не Пасха, не Рождество, с чего бы это тебя туда нести?

Дуся *(открывает лицо).* Тебя старец благословил мне служить, и служи, не перечь. Одевайте.

Хожалки начинают собирать Дусю. Поют молитвы, она крестит каждую из вещей, которые на нее надевают. Наконец, ее снимают с кровати. Дуся крестит кресло, в которое ее сажают, ее привязывают к креслу большим платком.

Дуся. Ой, больно!

Антонина. Прости Христа ради.

Дуся *(вцепившись от страха в подлокотники).* Не уроните, не уроните меня. А то вывалите, нарочно меня вывалите!

Марья. Какой собака тебя подберет…

Дуся. Ну, с Богом, с Богом!

Вбегает **Тимоша**.

Тимоша *(частит).* Матушка велела сказать, что страшное дело творится. Только отец Василий уехал, красноармейцы пришли, велели храм открыть, матушка им ключей не дала, говорит, отец Василий увез. А они замок сшибли, а мамочка тогда на колокольню и ну бить. Народ прибежал, а двое уж в алтаре, с папиросками. Отец диакон прибег, говорит, что вам угодно здесь будет. А один ему говорит, чтоб ты сдох. А другой – чтобы опись церковного

имущества сделать, потому что оно народное, а попы его присвоили, а теперь народ будет его обратно забирать. А церковных судом судить, что они воры. Они по храму ходят, все переписывают и святые чаши брать хотят. А один говорит, где у вас чудотворная. Подошли к киоту, а там один оклад. Иконы-то нету. Народ стоит, плачет. А страшно, они с ружьями и ругаются очень.

Дуся. Несите.

***Дусю** поднимают в кресле над головами и с пением выносят на крыльцо.*

Картина третья

*Двор Дуси. Крыльцо. Видна дорога. С крыльца спускается процессия с **Дусей.** На крыше сидит **Маня Горелая.** В руках у нее лопух, свернутый кулем. Она свешивается с крыши, стряхивает содержимое лопуха на Дусю и ее хожалок.*

Маня. Помазуется раба Божия Авдотья!

Дуся. Ах, грех какой! Грех тебе! Не тронь меня, Настя. Слышь, не чисти! Нам говно нипочем. Мы в говне родились, в говне помрем. А враг пусть ото зла треснет! Пусть треснет!

Маня. У, гордая какая! Какая гордая! А все равно в одной яме лежать будем!

Дуся. Несите! Что стали-то! Хвалите Господа с Небес, хвалите его в Вышних!

***Хожалки** подхватывают молитву и с пением идут по дороге к церкви. Процессия исчезает из виду. Маня кривляется на крыше. Потом спрыгивает, начинает плясать.*

Маня. Мироносицы пошли, в жопе миро понесли! Подходите, бабоньки, подходите, мужики! Маня всех миропомазует! У Мани на всех хватит!

*Слышно удаляющееся пение хожалок. Пение прерывается двумя воплями. Возгласы толпы. С той стороны, куда только что ушли хожалки с Дусей, появляются два **красноармейца**, один с погасшей папироской во рту. Они как будто ослепли, идут шатко, ощупывая землю ногами, шаря в воздухе и спотыкаясь. Маня подходит к ним, дергает одного сзади, тот отводит руку, но Маню явно не видит.*

Первый красноармеец. Филипп, руку дай… Ты сам-то где? Вроде земля? Дорога? Чтой-то было?

Второй красноармеец. Ваня, ты-то где? Что темно так сделалось?

Первый. Никак шарахнуло?

Второй. Вань, не видать ни хрена… Ты видишь что?

Первый. Хер я вижу, Филипп. Дай подержусь за тебя. Где ты, а?

***Хожалки** с **Дусей,** гордо восседающей в кресле, возвращаются, продолжая пение.*

Маня *(поражена не меньше красноармейцев. Забирается на крышу и звонко поет).*

Ой, Дусенька,
святая новая,
хорошо бы поплясать,
да нога хромая!

(Спрыгивает с крыши и вприсядку проходится между красноармейцев. Кривляясь, подходит к Дусе, отвешивает ей земной поклон. Отпрыгивает в сторону, отбивает чечетку босыми пятками и голосит частушку.)

А наш поп лежит
Ай! – на девушке,
чтой-то нету никого
Ай! – на небушке!

Картина четвертая

В доме у Дуси, две недели спустя. Ночь. Горят лампады. ***Дуся*** *в постели.* ***Хожалки*** *поют последнюю молитву из акафиста Божьей Матери. Раздается троекратный стук в дверь. Хожалки продолжают петь.*

Настя. Стучат.

Марья. Ночь. Кто идут? Не открывай.

Дуся. Огради, Господи, Силою Честного и Животворящего Креста. *(Крестит все углы.)* Открывай, Антонина.

Антонина *открывает дверь, перед ней* ***красноармеец*** *в форме, он кланяется.*

Антонина. Господи помилуй, никак Тимоша.

Дуся. Сымайте с него одежу с печатями, пусть входит.

Марья плюет на пол.

Дуся *(плачет).* За что мне такое страдание? Послал Господь хожалку хуже татарина. В дому плюет, воровка. *(Марье.)* Сыми с него одежу пропечатанную и неси в сарай, а сама сиди там в сарае и в дом не заходи. Чтоб глаза мои тебя не видели. И спи там теперь. Всегда там спи. А ты, Тимоша, ты ко мне не подступай. Стой там, где стоишь, и хорошо. *(Марья начинает его раздевать.)*

Марья. Сама сарай сиди…

Настя. Тимоша…

Дуся. Говори, чего пришел.

Тимоша. Матушка Дуся, убег я. Нет мочи. И еще одно дело вышло. Только быстро не скажешь.

Дуся. Говори как можешь.

Тимоша. Два дня прошло, как церковь закрыли, пришли ночью, забрали меня и повезли в Городок, прямо к главному, то есть к Рогову. Пять лет мы не виделись, больше. Он как на Германскую ушел, так вот и не виделись. Я совсем еще малой был. Видом он совсем другой, я б его не узнал, даром что брат. Даже волос черен, раньше не такой был. Он ведь партийный теперь стал, и как вернулся, домой-то и не показался. Когда матушка узнала, что он в Городке объявился, мы туда пошли. А он ее на глаза не пустил. Служку своего выслал, секлетаря, что примет ее, когда она из церковных старост уйдет. Все знает… И как черт лютый.

Дуся. Не к ночи…

Тимоша. Меня к нему привели, он сразу меня признал. Братка, говорит, хватит тебе в темноте жить, я тебе новую жизнь покажу. А сам живет в господском доме, в Баскаковском,

в полдоме у него совет, а в полдоме чека тюрьму устроила. Решетки на окнах и стража при дверях. И сам там живет.

Дуся *(достает кукол и начинает ими играть).* Катерина Прокловна, ты Егорушку не забижай, не забижай…

Тимоша. Он говорит, мамаша у нас отсталая, боговерующая, и вся темнота от нее, что она церковная. А ты, говорит, новой жизни достойный и прекрасного будущего. Смотри, какой елдак отрастил, а небось баб еще не мял. Повел он меня в баню, с ним двое товарищей его, а прислуживают бабы голые все, и пошла между ними игра, и меня зовут. И я с ними тоже играл. А потом повел он меня к себе в комнату, ему ужинать принесла девка молодая, на сносях. Красивая. Но не жена ему, так. Тут он говорит, скажи, что там Дуся Брюхинская натворила. Допрос с меня берет: ты, говорит, там был? Я говорю, был. Видел сам? Видел. Чего видел? Я и говорю, что один у отца диакона чашу взял, а второй в нее цыгаркой тычет, а тут Дусю Брюхинскую вносят, а она с молитвою… И вроде как будто свет засиял… Сильный, как от молоньи, но грома нет никакого…

Дуся *(глуповато смеется).* Верно, верно, так и было…

Тимоша. Я же не вру. Говорю, они как завопили и за глаза схватились, а отец диакон за руки их из церкви вывел, а они и ружья свои побросали… А брат послушал и говорит: надо мне самому разобраться, что это там ваша Дуся народ мутит. Нет никакого чуда, болезнь у них глазная.

Дуся *(хихикает).* Болезнь… Верно, болезнь. Кто же и противуречит, она и есть болезнь.

Тимоша. Он меня у себя дома не оставил, послал в казарму. Стал я там жить. Ох, забыл сказать. Те двое-то… Один в уме повредился, сидит в исподнем и плачет, в больнице он, хотя развиднелось у него. А другой, он тоже не совсем слепой оказался, как пришел – запил, а ночью у него, что ли, живот схватило, он в отхожее место пошел и оступился в яму-то, там в казармах ямища большая, только поутру его и выудили. А жизнь там, Дусенька, матушка, очень плохая, такая плохая, что описать невозможно. Меня при тюрьме стеречь поставили. Уж каково мне плохо, а про них и сказать не могу, каково тем-то. И отец Василий там. Хлебушек твой они взяли, а его уж не отпустили. Я видел его несколько разов. Я, Дуся, сразу решил, что убегу, да страшно было. Они, кого ловят дезертиров, расстреливают. Но и там невмоготу.

Дуся. Боишься смерти?

Тимоша. Кто же не убоится? Все боятся. А вчера, Дусенька-матушка, он меня призвал и говорит: обманул нас ваш поп Василий. Икону-то припрятал где-то, один оклад остался. Запирается и не признается, где схоронил. А я осмелел и спрашиваю: на что она вам сдалася, Чудотворная наша. Маменька-то нас с малолетства все к ней таскала… А он смеется: дров у нас мало. И места наши очень зловредные через близость Святой Пустошки. Дай, говорит, время, все развалим, все запашем, а потом плясать пойдем. Такая меня тоска взяла, Дусенька, не могу боле. Дусенька, душенька, Христа ради, спровадь меня в леса, какому старцу служить, да хоть самому одному жить… Я бы и Чудотворную на себе унес, стерег бы ее там.

Дуся раскладывает на одеяле кукол, долго молчит.

Дуся. Чудотворную… Где я те ее возьму… Тебя видел кто, как ты сюда шел?

Тимоша. Нет, я тайно ушел.

Дуся. Антонина, яйцо печеное есть?

Антонина. Должно, есть.

Дуся. Дай ему яйцо. Два дай. И хлеба, и грибов дай. И сахару дай кусок, отчепи ему. Пусть все ест.

Антонина подносит еду к Дусе, та крестит все.

Дуся. Ешь теперь. А вы пойте.

Тимоша *(крестится).* Спасибо.

Дуся. Поешь, Тимоша. А к матушке своей не ходи. Мы тебя здесь схороним пока. А там видно будет. Антонина, на чердаке, где хлебы лежали, сундук щелявый стоит. Постели в нем малому. Будешь там лежать да Богу молиться. Да не высовывайся. Антонина есть тебе будет носить.

Тимоша. А долго ли мне лежать, Дусенька?

Дуся. А сколько надо, столько и полежишь. Я вона сорок лет все лежу. А тебе не век лежать. *(В сторону Марьи.)* Эта вон бегает, а проку что? *(Марья плюет.)* А ты, Марья, что стоишь столбом, неси в сарай одежу поганую. И сама там сиди. Идите все куда сказано.

***Антонина** с **Тимошей** поднимаются на чердак. Тимоша на ходу стягивает с себя нижнюю солдатскую рубаху. **Марья** уносит с собой шинель, гимнастерку. Остается одна Настя.*

Дуся. Настя, хлебу возьми цельный каравай. И себе четверть от другого каравая отрежь. И луку возьми. И ступай к старцу. Дорогу не забыла?

Настя. Как можно, матушка?

Дуся. Дорогой «Богородицу» читай, а как речку перейдешь, читай «Царю Небесный». И скажи ему про малого-то. Если сразу тебе ничего не скажет, ответа не жди. Иди обратно скорей. Времени-то у нас мало, а он любит помусолить, потомить. Нету времени совсем. Но знаки все его примечай. Может, не скажет словом, а знак какой подаст.

Настя. Буду примечать. Жалко Тимошу-то.

Дуся. Чего жалеть? Нас есть кому пожалеть. Скажешь: Дуся кланяется и молится. Масла вот возьми. *(Роется в постели, достает из нее пузырек.)* И сухари тоже. Беги прямо сейчас, пока не рассвело. Не мешкай. Деревни обходи стороной. Тайно иди, тайно. К ночи и будешь на месте. С Богом, с Богом, голову преклони, доченька. Иди. *(Настя уходит.)* Антонина! Антонина! *(Спускается с чердака Антонина.)* Устроила малого?

Антонина. Как лег, сразу и уснул.

Дуся. Что Марья там?

Антонина. Ругается. Говорит, холодно в сарае.

Дуся. В аду будет гореть, этот холод вспоминать. Зипун ей отнеси. *(Антонина снимает зипун с крюка.)* И в дом пусть не заходит. Нечего в доме плевать. Грех какой! Не носи зипун. Пусть поморозится. И крюк на сарай наложи. А зипун у кладбища на березу повесь.

Антонина. Чего повесить? Зипун?

Дуся. Говорят тебе, повесь зипун на дерево, на березу повесь возле кладбища, за церковью. Бестолковые какие!

***Антонина** уходит.*

Дуся. Настя! Антонина! Марья! Воды испить никто не подаст… *(Плачет, вынимает из постели кукол, раскладывает.)* Бедная Дусенька, больная, и никто не пожалеет. Только одни вы, мои деточки, мои доченьки, да Царица Небесная пожалеет! Чего ни попрошу, Она все для меня делает. Говорю Ей: попроси Сына своего, пусть накажет нечестивцев, и наказует. А хожалки меня не слушают. Нет… Сиротами без меня будете. А и нет, а и вас с собой заберу… Антонина! Как провалились все.

Картина пятая

*За оградой кладбища свежий холм, на котором лежит **Маня Горелая**. Она в кофте, в юбке, грудь обвязана платком.*

Маня *(начинает заплачку).* На кого ты меня покинул, родненький, на кого оставил? Кто теперя меня обогреет, кто приголубит? Уж как жили мы с тобой душа в душу, голубчик мой! Словом не с кем без тебя перемолвиться… *(Деловито встает, ломает два молодых деревца, связывает их крестом, ставит этот крест на могилу, опускается перед ним на колени. Входит Антонина, выбирает маленькую березку, вешает на нее зипун и уходит.)* Ох, всему срок подходит, и тебе подошел, и мне подойдет. Вышел весь, помер, горемычный… Сколько годов мы с тобой прожили, сколько дорог оттоптали. Ото всего оборонял меня, сердечный… Вперед ты, и я за тобою… *(Встряхивается, встает, отирает слезы.)* И ладно. И будет. *(Отходит от могилы, приплясывает и присвистывает.)* На могиле нищий дрищет… *(Делает круг, замечает зипун на березе.)* Е-бе-на мать… А вот и новый зипун мне Бог послал! Хорошенький ты мой! Новенький. Да красивый! Да петли красные! А пуговки, пуговки-то! *(Снимает с дерева, вертит, гладит, накидывает на голову, расправляет.)* Старый схоронила, и новый явился! *(Надевает, крутится, бьет босыми ногами оземь, пускается в пляс.)*

На могиле нищий дрищет,
в брюхе ветер, в жопе пар,
приходи ко мне, миленок,
вместе вздуем самовар!

Картина шестая

*У Дуси. **Антонина** возле нее поет псалмы.*

Дуся. Помолчи-ка. Чтой-то мне слышится, идут на нас.

Антонина. Кто идет, матушка?

Дуся. Кто, кто… С рогом кто… По нашу душу. А где мои деточки? *(Роется в постели, достает кукол.)* Ты читай, читай! Свое дело знай… *(Стук в дверь.)* Не отворяй. Погоди. *(Снова роется в одеялах, достает из тряпья бутылку с водой, крестится, кропит вокруг себя и куда может достать. Стук сильнее.)* Погоди, дочка, погоди, головку преклони. *(Крестит Антонину.)* С нами Крестная Сила! Отворяй. *(Дверь сотрясается от стука. Антонина открывает. В дверях – Рогов. Высокий, ладный, в военной форме. С порога бросается перед Дусей на колени.)*

Рогов. Матушка, Дусенька, здравствуй! Пришел тебе поклониться, угоднице и чудотворице. Ай не признала?

Дуся приободряется, поправляет цветочек в фате, раздумывает.

Дуся *(скорее всего, польщена).* Ирины Федоровны сын старшой. А-а… пришел, значит.

Рогов. Чтой-то набздено очень. Дух зело крепок. Узнала меня… А может, ожидала? Нас по деревне пацанов много гоняло, а Дуся-то у нас одна, мы-то все Дусю знали, повсеместно известная Дуся… Мне люди говорили, ты на меня серчаешь? Погоди. Я с угощением… *(Встает с колен, шарит по карманам шинели.)*

Со двора раздается вопль: «Пусти! Пусти меня!»

Дуся. Пусть Марья войдет.

Рогов. А зачем ей? Подождет твоя Марья. Мы земляки, столько годов не виделись. Нам потолковать надо. Пусть во дворе побудет. Я там при дверях солдатика поставил, чтоб не мешали поговорить-то. Народ, сама знаешь, какой: и лезут, и лезут. Ни днем, ни ночью покою не дадут. *(Вынимает бутылку самогону, еду в тряпице. Ставит все возле Дуси.)*

Дуся *(машет рукой).* Убери, убери!

Рогов. Да зачем убирать? Мы сядем рядком, выпьем по рюмочке, закусим. Ты чего надулась-то? Может, пост какой?

Антонина. Да она от юности своей мяса не ест, а зелья твоего и сроду в рот не брала.

Рогов. Надо будет – возьмет. Не то еще возьмет. Стаканы-то принеси. А скажи мне, матушка Дуся, что это такое ты на моих ребят навела? А?

Дуся. Про чтой-то ты говоришь?

Рогов. А ты забыла? Запамятовала, значит…

Дуся. Это что… когда было…

Рогов. Давно, недавно… Что натворила над ними?

Дуся. Что – Дуся? Дуся – ничто. А их Господь Бог покарал.

Рогов. Нет никакого бога. Да если б он был, он бы разве меня потерпел?

Дуся. Антонина! Ниночка потерялась. Где Ниночка моя? *(Антонина поднимает с полу упавшую куклу, Дуся раскладывает кукол рядком на одеяле.)* Ниночка, Иванушка, Катенька, Егорушка… вот он…

Рогов *(наливает в два стакана).* А это Дусе. Смотри, бабушка, а все в куклы играешь.

Дуся. Доченьки мои…

Рогов. Какие доченьки? От тебя жених сбежал или нет?

Дуся. Сбежал, сбежал. Прибежит обратно, куда ему деваться?

Входит ***Сидоренко****.*

Сидоренко. Товарищ Рогов, там в сарае старуха сидит. А под кормушкой шинель красноармейскую и гимнастерку нашли, вот что обнаружилось. И эт-та… меду два бочонка малых, и в сундуке холст штуками старого деланья, а в другом – крупа, все малыми мерами, в мешочках, и пшено, и гречка, и горох есть.

Рогов *(выпивает).* Шинель… интересное дело… Что же это, Дуся, у тебя за хожалки, в шинелях ходят… Чудеса… Вы там во дворе хорошо поищите, а мы здесь посидим, поговорим пока. *(Подходит к киоту, рассматривает.)* Смотри, какое у тебя имущество. Ризка-то серебряная?

Дуся. Руками не тронь.

Рогов. Не буду, не буду! Как можно? Все понял – святое. *(Роется за пазухой, вынимает маленького щенка.)* Ну, чего скулишь, дурачок?

Дуся. Ой, сколько же терпеть-то, Господи? В дом ко мне собаку поганую принес, басурманское отродье! Неси ее отседова!

Рогов. Да ты посмотри, маленький какой. Жрать хочет. Я вчера иду, чуть не раздавил его. Вишь, прибился. Пропадет. *(Ставит щенка на стол. Дает ему кусочек мяса.)* Еще не научился мяса есть. Научим. Иначе пропадет.

Дуся *(закрывает лицо руками).* Весь дом мой опоганили. Как же я теперя тут жить буду?

Рогов. А ты еще долго жить собираешься?

Дуся *(выпрямляется, ставит палец себе на середину лба).* Вот тута! Вот тута у тебя дыра будет. Трех лет не пройдет. Все. Антонина! *(Снимает с себя фату, распускает жидкую косищу.)* Поищи-ка вот. Да с гребешком, с гребешком ищи. *(Антонина начинает искать вшей, продолжая читать псалмы.)*

Рогов. Вишь, Жучка, они вшивые, нас с тобой не любят. Говорят, мы им дом опоганили.

Семенов *(входя).* Товарищ Рогов, старуха прям как сумасшедшая, рвется сюда, в дом просится. Говорит, я тут живу.

Рогов. Ну, веди ее сюда, коли ей так хочется.

*Врывается **Марья** с криком.*

Марья. Полный сатана! Красноармейц твой дурак, сам дурак, сатана! *(Слов у нее не хватает, она размахивает кулаками, кидается на Рогова.)*

Дуся. Марья! *(Та замолкает.)*

Рогов *(Антонине).* Хватит тебе каноношить. Давайте разбираться. Чей дом?

Дуся. Дом мой, Авдотьи Ивановны Кисловой. И все. Больше слова тебе не скажу.

Рогов. Беда какая, не хочет она с нами, Жучка, знаться. Ну и не надо. А ты, говоришь, с ней живешь?

Антонина. Семь годов живу с Авдотьей Ивановной, хожу за ней.

Рогов. Звать как?

Антонина. Мещанка города Езельска Сытина Антонина Митрофановна.

Рогов. Монашка?

Антонина. Рясофорная.

Рогов. Толковая мамаша. *(Марье.)* А ты кто?

Марья молчит. Антонина обирает вшей с Дусиной головы.

Рогов. Дуся, эта бабка тоже за тобой ходит? *(Дуся молчит, Марья тоже.)* Ты живешь здесь? Чего ты в сарае делала?

Марья. Срала делала!

Рогов. Смелая какая. Татарка, что ли?

Марья. Сам татарка. Я христиан православный.

Рогов. Теперь вижу, мордва настоящая. *(Марья плюет.)*

Дуся. Плюет! Опять плюет!

Марья. Прости мене, Дуся Божья.

Рогов. Паспорт есть?

Марья показывает ему два кукиша.

Рогов. Нет паспорта, надо понимать. Будет Мария Мордвина, и хватит с тебя. Семенов, ты пиши, пиши. Стало быть, три. А где четвертая?

Антонина. К родне ушла.

Рогов. К родне… А звать ее как?

Антонина. Анастасия.

Рогов. А фамилия?

Антонина. Не знаю.

Рогов. Не знаешь, значит. *(Тянется папироской к лампаде. Марья кидается на него.)*

Марья. Сам татарин! Мать твоя татарин! Место святое не знаешь!

Рогов сильным ударом отшвыривает ее к двери. В этот момент дверь отворяется, вводят ***Тимошу.*** *Он в солдатском исподнем, босой.*

Семенов. Лестницу на чердак приставили, а там нашли вот… в сундуке.

Рогов. Братан! Какая встреча! Бабка! Еще стакан неси! Ай, Дуся! Спасибо тебе, брата моего привечаешь, в сундуке укрываешь. Выпьем со свиданьицем, Тимофей!

Тимоша. Я не пью, Сеня.

Рогов. Сеня! Сеня я тебе! А раз я тебе Сеня, то уж пей! *(Тимоша пьет.)* Так чего ты в сундуке делал? Богу молился или бабкины сорочицы считал?

Дуся. Пресвятая Троица, помилуй нас!

Рогов. Врешь, Дуся! Здесь судить и миловать не Троица будет, а тройка. В первую голову будет тройка судить дезертира Тимофея Рогова, а уж потом за укрывательство Авдотью Кислову с ее сожительницами, как их там. А что двое красноармейцев через тебя, чудотворицу, ослепли, так я в это не верю, и потому за это тебе, Дуся, ничегошеньки не будет. А получишь по справедливому народному закону.

Марья. Народный, да? Где народ? Зови народ!

Рогов. Мало получила. Народ – это я. Я – народ. А ты – навоз. Сидите и молитесь. *(Заталкивает в смежную Дусину комнатку, и впервые закрывается дверь в выгородке или занавеска.)* Семенов, ступай на улицу, приведи двух местных, первых, кто под руку попадет.

Семенов *уходит.*

Рогов. А ты, Тимофей, сядь, отдохни, дух переведи. В сундуке-то не вольный воздух. Мы не изверги какие. Все по-хорошему. Ведь сколько плохого про нас говорят. И все напрасно. А для нас первое дело – справедливость. Революционная справедливость. Чтоб по правде. *(Стучит в дверь к Дусе.)* Дусь, скажи, хочешь, чтоб по правде все было? *(Пение из-за выгородки.)* Деревня ваша, между прочим, на плохом счету. Сельсовет не выбрали, мужики – никакой активности. *(Тимоше.)* Или вроде тебя, недомерки.

Входит ***Семенов****, приводит* ***Надюи Голованов*** *а. Голованов в глубоком похмелье, руки трясутся, свет не мил. Надя хочет перекреститься на икону, но останавливается, машет рукой.*

Семенов. Товарищ Рогов, а баба годится?

Рогов. Отчего же не годится. Очень даже годится. Местная?

Надя. Из Салослова я. Здесь замужем.

Рогов. Чья?

Надя. Петра Фомича Козелкова.

Рогов. А, Петька Хромый. А я Рогов.

Надя. Ой? Самый Рогов?

Рогов. Самый и есть. На какую ж такую работу вы направляетесь?

Надя. Да тут бабка одна живет, у нее взять можно…

Рогов. А тебе, значит, невмоготу стало?

Голованов мычит, трясется.

Надя. Похмелиться просит.

Рогов. Я чтой-то его не знаю. Он-то местный? И вроде знакомый, и вроде нет. А? Учитель! Учитель Голованов! Николай Николаич! Ну и хорош сделался! *(Голованов устремляется*

к бутылке на столе, но Рогов ему не дает.) Ну, Голованов, что ли? *(Голованов кивает, мычит, морщится. Рогов наливает стакан и ставит на середину стола, подальше от Голованова.)* Хорош, хорош… Сколько лет не виделись! Десять? Восемь?

Надя. Да не мучь человека, дай ты ему.

Рогов. А ты добрая.

Надя. Да, я добрая. Попроси – чего хошь дам.

Рогов. А чего мне просить, мне все сами несут. На блюде. Как голову Иоанна Крестителя. А не принесут, сам возьму. Мы не просим.

Надя. Ишь вы какие… *(Берет стакан со стола, передает Голованову, тот заглатывает и садится, закрыв глаза.)*

Рогов. А ты ж, говорила, Козелкова жена?

Надя. Захочу – жена, не захочу – не жена. Это как мне угодно будет.

Рогов. Значит, себе хозяйка? Самостоятельная?

Надя. Именно что.

Рогов. Это хорошо. А как тебя, Надежда, по отчеству?

Надя. Григорьевна.

Рогов. Хорошо. Сделаем мы тебя, Надежда Григорьевна, большим человеком, будет тебя народ слушать.

Надя. Да кто меня послушает, смех один будет.

Рогов. Все послушают, и смеху никакого не будет. *(Зевает.)* Страх будет.

Голованов *(открывает глаза, как будто отошел от обморока).* Еще вот столько, и я… все… Аллес вирд ин орднунг. *(Показывает, сколько.)*

Рогов. Столько? *(Наливает. Голованов выпивает, трясет головой.)*

Голованов. Все. Хорош. Арсений Рогов, помню тебя. Местный фабрикант Талашкин Афанасий Силыч, из Городка, держался передовых взглядов и послал меня в Цюрих, а там два года учили, как преподавать разного рода рукоделие, включая и железное, крестьянским ребятишкам. Ферштеен зи? Вере ихь юнгер… Ентшульдиген битте… Но, вернувшись, стал я заниматься не педагогической деятельностью, а революционной. Ты тогда под стол пешком… А я – организовывал стачку на мануфактурах и арестован был в начале девятьсот шестого года за это самое дело. *(Протягивает пустой стакан Рогову.)* Еще чуток.

Рогов. Так ты меньшевик, что ли?

Голованов. Меньшевик, большевик… Какая разница? Об этом и разговору не было. Я – профессиональный революционер. В прошлом. В настоящем – профессиональный пьяница. Никаких теоретических вопросов не обсуждаю. *(Рогов наливает ему чуть-чуть, Голованов выпивает, расслабляется.)* Так вот, дорогие мои, по ходатайству Талашкина, того же самого местного капиталиста и буржуя, как вы говорите, уездный педагогический совет дал мне разрешение преподавать в ремесленной школе. До того мне преподавать запрещали – ссыльный был! И в первый же год моей педагогической деятельности учился в моем классе вот такой мальчишечка, Арсений Рогов. А? Какая память! *(Подставляет стакан.)* Чуть-чуть.

Рогов. Понял. И ты годишься.

Голованов. Честно говоря, я не особенно гожусь. Впрочем, Надюша, как? *(Она кокетливо фыркает.)* Но здесь, в деревне Брюхо, я кое на что гожусь. Могу за бутылку самогона крышу починить, печь переложить или гроб сбить. Учили хорошо в Цюрихе.

Рогов. Ладно, хватит. Вижу, что годишься. Найди, Николай Николаич, баньку у кого получше, истопи. Мы попаримся. Семенов, попаримся? А ты спинку потрешь? *(Надя хихикает.)*

Голованов. Она потрет, всем потрет. Она баба хорошая.

Рогов. А потом, стало быть, и закусим. А ровно это… *(смотрит на часы)* в восемь часов по новому, по советскому времени вот тут, на этом самом месте, мы собираемся. Ты, Голова-

нов, получишь за свои труды бутыль самогону, а ты, Надька, как будешь стараться… *(Тимоше.)* А ты что здесь сидишь, таращишься? Иди к своим! *(Заталкивает Тимошу к Дусе и закрывает за ним дверь.)* Семенов! *(Входит Семенов.)* Со стороны окон поставь Мухамеджина, а у этой двери – Сидоренку. *(Стучит в дверь.)* Арестованные! Что тихо поете? А то вас там не услышат! Можно и погромче. Нам не мешает. *(Семенову.)* Приказание выполняйте. *(Шлепает Надю по заду, сует щенка за пазуху.)* Пройтись, что ли, по деревне, навестить кое-кого. *(Декламирует.)* Вот моя деревня, вот мой дом родной…

Уходит. У двери в Дусину келью садится красноармеец ***Сидоренко****, у первой двери –* ***Семенов****. Сидоренко сворачивает самокрутку.*

Сидоренко. Егор, як ты разумиешь, до вичору управимся?

Семенов. Не. На восемь назначено. Пока то, другое. Раньше утра никак.

Сидоренко. Подывись, Егор, яки гарны сундуки. Бабка богата, як жид. Треба пошукать ее трошки, а?

Семенов. Пошукаешь еще, пошукаешь.

Сидоренко. Та ж не люблю без дила сидеть, я ж вроблять люблю.

Семенов. А ты посиди перекури. Чего тебе неймется старухины тряпки трясти…

Сидоренко. Дуже не люблю без дила…

Стук в дверь.

Семенов. Открой, Федор.

Сидоренко. Ты же ближе.

Семенов. Ты же вроблять любишь.

Опять стук.

Сидоренко. Та ж у мене дило – я курю. *(Молчат некоторое время. Больше не стучат.)* Поспешишь, людей насмешишь.

Семенов открывает дверь. Там ***Девчонка****.*

Семенов. Чего тебе?

Девчонка. Мне Рогова.

Семенов. Ишь чего захотела. На что он тебе? *(Девчонка убегает.)* Рогова ей подай…

Из кельи: «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его…» Распахивается дверь, входит ***Рогов****.*

Рогов. Да, деревня, она деревня и есть… Отсталый класс. Глаза бы не глядели. Темнота. *(Закуривает от лампады.)*

Семенов. Девчонка вас спрашивала.

Рогов. М-м…

Сидоренко. Товарищ Рогов, а здесь не шукали.

Рогов. Да пошукаешь, пошукаешь. Никуда не убежит. Мы тут уже нашли, чего и не искали. Вот говнюк, думай теперь… *(Входит Голованов.)* Ну, как баня?

Голованов. Скоро будет. Воды натаскал. Сейчас прогорит, и все. Я насчет аванса. А то мне пора… подлечиться.

Рогов. Эх, Николай Николаич, культурный человек, хуже пролетария стал. Вон возьми, на столе стоит. Да скажи, у кого в деревне самогон хорош?

Голованов. У Кротихи. Второй дом над оврагом. Чисто варит.

Рогов. А Надька там что?

Голованов. А как же… Все лавки отмыла. Старается.

Рогов. Ну и мы постараемся. А, Сидоренко, постараемся?

Сидоренко. Га!

Рогов. Эка дубина… Скучно что-то… Вот моя деревня, вот мой дом родной… Флеровского привезли?

Семенов. Никак нет.

Рогов. Пойду посплю. Там в сарае сено-то есть?

Сидоренко. Нема.

Рогов *(берет с крюка рваный тулуп).* Плохое село. В хорошее село приезжаешь, председатель сельсовета все сам несет, советскую власть уважить. А здесь хоть по избам иди… После бани на стол соберете. Про Кротиху слышал? Вот там, Сидоренко, и пошукаешь. Второй дом над оврагом.

Картина седьмая

*Там же. Вечер. Стол покрыт красным Дусиным платком. Заставлен едой. За столом в центре трое – **Рогов**, **Голованов**, **Надя**. По бокам **красноармейцы Сидоренко** и **Семенов**. Пьют, закусывают. Из Дусиной кельи слышится пение.*

Рогов. Деревня, я говорю, плохая. Чтоб мужик сам нес, вот что нужно.

Надя. Принесет он, держи карман. Ему семью кормить надо, а тут так отдай.

Рогов. Что значит – так? А рабочий класс – как? Он кость всему. А крестьянин – он что? Так, требуха, сволочь.

Надя. Да перемрет народ, если весь хлеб отбирать.

Рогов. Кто перемрет, туда и дорога. Ты вон новых народишь.

Голованов. Надюшка нам народит, это точно.

Рогов. От нас такой народ пойдет, какого еще не было. Новый народ. Все будет общее, все будет новое. Государство будет новое. И земля, и небо новое. А теперешний народ ни на что не годится. Пусть и перемрет.

Голованов. Сам ты перемрешь, а народ не перемрет.

Рогов. Который народишко дрянь, туда ему дорога. Вот эти, к примеру *(показывает на келью)*, богомолки, попы, – на что они нужны?

Надя. А кому они мешают? Пускай поют.

Рогов *(наливает всем, Голованову – полный стакан).* Тебе, Николай Николаич, полненький. Хорошо нас попарил. *(Голованов пьянеет на глазах, клюет носом. Рогов тоже пьянеет, но другим манером, он возбужден.)* Дура ты, Надька. Понимала бы что… Сидоренко, попа доставили? *(Роется в карманах, достает бумажку, читает.)* «И говорил на воскресной проповеди: “Облекитесь во всеоружие божие”». Это ваш поп говорил. Сидоренко, веди попа.

*Сидоренко вводит **отца Василия.***

Сидоренко. Вот он. Там, товарищ Рогов, вас все девчонка какая-то спрашивает.

Рогов *(машет рукой).* Давай его сюда. Вот, гражданин Флеровский Василий Тихонович.

Отец Василий. Я хочу сделать заявление.

Рогов. Валяй.

Отец Василий. Ваш следователь Шестопалов требовал от меня признания в том, что я украл храмовую икону и укрыл ее от изъятия. Заявление мое состоит в том, что я в жизни своей ничего не крал, тем паче иконы, не утаивал, а во время изъятия церковных ценностей, производившихся согласно вашему указу, я находился по дороге в Городок, куда вез назначенные мне к сдаче хлеба, и тому есть свидетель, крестьянин села Брюхо Козелков Петр Фомич, который и вез меня для сдачи хлебов.

Надя. Было, было, и я тому свидетель.

Рогов. Молчи, дура. Тебя спросят, когда надо будет. И другой есть вопрос, гражданин Флеровский. Говорили ли вы за проповедью *(читает по бумажке)* «облекитесь во всеоружие божие»?

Отец Василий. Апостол Павел говорил.

Рогов. А что еще ваш апостол Павел говорил?

Отец Василий. «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, властей, против мироправителей тьмы».

Надя *(плачет, подперев щеку).* Красиво говорит. Непонятно, но до чего же красиво.

Рогов. Хватит. Подпишите, что говорили. *(Рогов подставляет бумагу, отец Василий ставит подпись.)*

Отец Василий. Пожалуйте.

Рогов. Так, батюшка, а вы ведь приговор себе подписали. Вот он, приговор-то. Поняли?

Отец Василий. Понял.

Рогов. А выход-то есть. Отрекайтесь. Снимайте с себя сан. Вы старый человек, жена больная. Никто вас не тронет. Будете жить спокойненько.

Отец Василий. Если бы я в Бога не веровал… Не подойдет мне это. Да у меня отец и дед были священниками, сын священник…

Рогов. А второй где?

Отец Василий. О нем известий давно не имею.

Рогов. А мы имеем. Он в Добровольческой армии, второй ваш сынок. Или нет?

Отец Василий. Да.

Рогов. Уведите. К бабкам его.

*Сидоренко уводит **священника** к Дусе в келью, Рогов разливает по стаканам.*

Голованов. А ты, Рогов, дурак, однако. Иносказания не понимаешь. Я про всеоружие-то…

Рогов. Это ты не понимаешь, Николай Николаич. Какое же тут иносказание, прямо говорится: против властей.

Голованов. Я и говорю – дурак. Каких властей? Апостол Павел жил две тыщи лет тому, о каких властях-то он говорил? Власть была тогда римская, императорская…

Рогов *(смеется).* Народный ты учитель, Николай Николаич, одно слово… Здесь другое важно: кто признает над собой власть божью, для того всякая другая власть – тьфу! И советская им – тьфу! И потому нам церковники – первые враги. Головой надо думать, Голованов. Мне человек нужен целиком, с потрохами.

Надя *(елозит, напевает).* Ух-тю! Ух-тю! У тебя в дегтю!

Голованов. Ишь чего захотел! У моих потрохов своя забота.

Рогов. Удовлетворю. Из моих рук. *(Наливает.)* Из моих рук – пожалуйста.

Надя *(встает, проходится приплясывая).* Ух-тю! Ух-тю! У тебя в дегтю, у меня в тесте, слепимся вместе!

Рогов. И тебя – удовлетворю. Мало, что ли?

Голованов. А она такая: сколько ни дай, все мало.

Рогов. Ладно, ладно. Мало не покажется. Сядь, не мельтеши.

Голованов. У-да-вле-тва-ре-ни-е… *(Засыпает.)*

Надя *(вскидывается, поет).* Я див-чон-ка-ма-ладая…

Рогов. Да сядь ты. *(Ковыряет еду.)* А что у нас все так варят… Мясо разварят до соплей, вкуса никакого…

Надя. А грибка соленого возьми.

Рогов *(берет гриб, закусывает).* Точно как у нашей матушки, у Ирины Федоровны… Семенов, достань гармонь. *(Семенов приносит гармонь, Рогов растягивает меха, Надя опять вскидывается, как боевой конь.)* Да сядь ты, посиди смирно. Шило у тебя в жопе… *(Поет.)* Славное море – священный Байкал…

Голованов *(встрепенулся).* Именно… Густав Густавович… Я не участвовал… Я не состоял… Я не хотел… Иван Густавович… *(Тянется к стакану, роняет голову на стол. Рогов трясет его за плечо, Голованов спит крепким сном.)*

Рогов. Семенов! *(Семенов подходит, Рогов ему что-то тихо говорит.)* Недолго, понял? *(Семенов кивает.)* Славный корабль – омулевая бочка…

Семенов. Надь, пойдем выйдем.

Надя. Че?

Семенов. Идем-ка, дело есть.

Надя *выходит вслед за* ***Семеновым****, за ними выходит и* ***Сидоренко****. Рогов выводит из келыи* ***Тимошу****.*

Рогов. Ну что, Тимофей Рогов, знаешь, что тебе за дезертирство полагается?

Тимоша. Знаю что.

Рогов. А зачем сбежал?

Тимоша. Невмоготу стало.

Рогов. О! Месяца не служил, и невмоготу! А я как три года по окопам гнил? Всем вмоготу, а тебе невмоготу? А жить-то хочется?

Тимоша. Хочется.

Рогов. А ведь помирать придется.

Тимоша *(падает на колени).* Сеня! Христом Богом прошу, не погуби! Ради матушки нашей не погуби!

Рогов. Ишь, хитрый, как запел. Куда метишь, в матушку, значит.

Тимоша. Прости меня, прости, Сеня.

Рогов. А прощенье заслужить надо.

Тимоша. Я заслужу, Арсеня.

Рогов. Ладно. А как служить будешь?

Тимоша. Начальства слушать.

Рогов. Эх ты, мочало. Этих твоих старух к расстрелу приговорили. За укрывательство дезертира.

Тимоша. Как приговорили? Когда?

Рогов. Тогда. Мочало и есть мочало. Так вот, ты, дезертир, сегодня по утрянке их и расстреляешь.

Тимоша. Это я не могу.

Рогов. Ах, не можешь? Я могу, а ты не можешь? Тебя солдатским хлебом кормили? Стрелять учили? Вот и пойдешь в команде.

Тимоша. Это я не могу.

Рогов. Тогда пойдешь с бабками. Под расстрел.

Тимоша. Как скажете.

Рогов. А как же мамаша, Ирина Федоровна? Про нее подумай.

Тимоша. Я и думаю. Только стрелять не могу.

Рогов *(открывает дверь к Дусе, впускает туда Тимошу, расталкивает Голованова).* Голованов, ну-ка, пиши. Фамилию поставь. Ну…

Голованов. Не подпишу. Не участвовал.

Рогов. Вот пьянь. Но деньги-то крал?

Голованов. Крал. Но… не участвовал.

Рогов. Хорошо. Так и запишем. Не участвовал. А ты подпись ставь. *(Голованов, не глядя, царапает пером. Рогов, распахнув дверь, кричит.)* Семенов! Сидоренко!

Входят ***Семенов***, ***Сидоренко*** *и* ***Надя***.

Рогов. Управились?

Сидоренко. Та мне не треба. Мне бы здесь пошукать, товарищ Рогов.

Рогов *(отмахивается).* Утром пошукаешь.

Сидоренко. Ну что, бабок вести?

Рогов. Пусть попоют, певицы. *(Наде.)* Ну что, проветрила?

Надя *(хихикает).* Только раззадорил без толку.

Рогов. Надь, а ты грамотная?

Надя. Я-то? Четыре класса ходила.

Рогов. Небось и фамилии написать не можешь?

Надя. Да я что хошь написать могу, я грамотная.

Рогов. Напиши-ка вот здесь, как зовешься?

Надя. Ну, Козелкова же.

Рогов. Вот и пиши.

Надя *(пишет).* Ну…

Рогов. Гну! Пошли в сарай! Семенов, не пойдешь?

Надя. На что его, он лядащий. Одна ботва.

Рогов. Тебя не убудет.

Надя. А ты мне боле нравишься. Дуся вон говорила, во мне семь бесов. Так что меня и на семерых хватит. А этого – не надо.

Затемнение, пение продолжается.

Картина восьмая

Раннее утро. Двор возле Дусиного дома. На середине двора кресло. В кресле – ***Дуся****. Около Дуси* ***Марья****,* ***Антонина****,* ***отец Василий*** *и* ***Тимоша****. С крыши свешивается* ***Маня Горелая*** *в новом зипуне. Дуся раскладывает на коленях кукол.*

Дуся *(поет).* Ниночка-Первиночка… Нина Прокловна ждет, Иван Проклович ждет, Катерина, Евдокия и Егорушка, где наш батенька, где наш папенька… *(Плачет. Подходит отец Василий, гладит ее по голове.)* Самовар не поставили, Дусе чаю не дали. Вот какие противные, их Бог накажет… Настя, поправь фату… Цветочки поправь, не видишь, что ли, на свадьбу идем! *(Фату поправляет Антонина.)* Я сказала, Настя!

Антонина. Нету Насти. Ушла Настя.

Дуся. Здесь она, не обманывай меня.

Антонина. Не плачь, матушка, не плачь, Дусенька.

На крыльцо выходит Рогов. К нему робко подходит ***девчонка****, хочет что-то сказать, он отмахивается.*

Рогов. Семенов! Сидоренко! Хвалынский! Мухамеджин!

Появляется ***Семенов****.*

Семенов. Мухамеджина с Сидоренкой еще когда вперед послали.
Рогов. А! *(Машет рукой.)* Тогда ведите их напрямки через болотце, а я верхами по глуховской дороге в объезд…
Семенов. Пошли, что ли?

Антонина, Марья, отец Василий и Тимоша поднимают кресло с Дусей.

Дуся *(тычет пальцем в Тимошу).* Не тронь руками, отойди.
Тимоша. Да я нести помочь…
Дуся. Кто ты таков? Не тронь руками кресло. Слышь, что говорю?

Выстраивается процессия: один красноармеец впереди, другой позади, а между ними возвышается на кресле Дуся. «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его…» Из-за дома раздается крик. Появляется ***Настя****.*

Настя. Матушка Дуся! Матушка Дуся!
Дуся. Помолчите. *(Величественным жестом останавливает пение.)* Все врешь, Антонина. Вот она, Настя, я же говорила, здесь.

Настя пытается встать на место отца Василия.

Отец Василий. Уходи отсюда, уходи, Настя.
Семенов. Стой, девка, ты куда? Куда лезешь? Кто такая?
Настя. Я Настя Витюнникова, я с ними вместе.
Семенов. Куда это ты с ними вместе?
Настя. Все равно куда. Куда они, туда и я.
Семенов. Дура-девка. Прочь поди. Мы их, может, расстреливать ведем.
Настя. Куда Дуся, туда и я.
Семенов. Ты что, хожалка ее, что ли?
Настя. Хожалка. Я при ней три года живу. Я Витюнникова Анастасия.
Семенов. Дура, иди отсюдова.

Настя уже оттеснила отца Василия от Дусиного кресла. В этот момент Маня Горелая спрыгивает с крыши.

Маня. Венец! Девка мой венец украсть хочет! Хуюшки тебе! Эй, солдатик! Я Витюнникова Настасия! Я! Слышь! Дуся, скажи им, что Настасия я! Отпусти девчонку, девчонку-то отпусти!

Маня Горелая сбрасывает зипун с головы, нечесаные лохмы вываливаются из-под него. Становится на колени перед Дусей.

Маня. Дусенька, голубушка, прости меня ради Господа, мне с тобой рядом стоять.

Отец Василий. Отпусти, Дуся, Настю.

Семенов. Разобрались, кто еще желающий?

Марья. Стыд тебе, Дуся. Зачем молодая на себе несешь?

Семенов. С ума посходили все. Я такого еще не видел. Да подеритесь вы, кому идти.

Дуся *(указывает на Маню).* Эта со мной пойдет. Эта. А ты иди, дочка, откуда пришла. Откуда пришла, туда и иди. И в дом не заглядывай. Иди.

Настя отходит, прислоняется к забору. Маня Горелая берется за кресло.

Семенов. Ну, пошли, что ли… Нам еще обратно тащиться.

Отец Василий *(поет, все подхватывают).* Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко…

Все уходят, пение удаляется. Тишина. Подходит ***Сучкова****.*

Сучкова. Доброе утречко, доброе утречко. Есть кто? Мне бы это… одолжить… ведро большое… *(Она оглядывается, забегает в сени, выходит из сеней с ведром и со сковородкой.)* Одолжить… *(Пытается подхватить с земли грабли. От стены отделяется девчонка.)*

Девчонка. Здравствуйте, бабушка.

Сучкова. А ты откудова? Чего тебе?

Девчонка. Да Рогова мне нужно.

Сучкова. Он верхами по глуховской дороге только-только проехал.

Картина девятая

У кладбищенской ограды, где Маня Горелая хоронила недавно свой старый зипун. Возле бугорка мается ***Голованов*** *в жестоком похмелье. Подходит* ***Надя****.*

Надя. Не дают никто. У Кротихи нет. Говорит, вчера все выпили. Сучкова дала чуток. *(Голованов протягивает руку, глотает из почти пустой бутылки, ложится. Надя садится рядом.)* Ишь как ты маешься, Николай Николаич.

Голованов. Помереть бы скорей. Устал я, Надя.

Надя. Да ты ж не старый еще, Николай Николаич. И образованный. Бросил бы пить, тоже бы начальником стал.

Голованов. Ах, какая ты милая девочка, Надюша. Бросила бы гулять, а?

Надя. Ты не смейся надо мной, Николай Николаич. Дуся говорит, во мне семь бесов. Не могу я без этого, огнем горит.

Голованов. А что ж ты тогда мне говоришь, бросил бы пить? *(Трясет бутылку, выливает в рот последние капли.)* Я бы тогда повесился. А в начальники? Еще бы скорее повесился… Ихнюю веру я уже прошел. А церковной отроду не имел.

Надя. А ихняя-то какая?

Голованов *(смеется)*. Сейчас, Надюша, мне и сказать смешно… Фратерните, эгалите и особенно либерте… Да ну тебя!

Надя. Вы, Николай Николаич, когда смеетесь, у вас лицо такое доброе. И вообще, если посмотреть, вы красивый.

Голованов. Надька, при всем моем хорошем к тебе отношении, сейчас, извини…

Надя. Да я не к тому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.